Ведущая в студии новостей была страшна, как война. Даже телевизионные помехи от плохой антенны не могли скрыть её уродства и угрей. Лоб её третьим глазом украшала бородавка, под двумя остальными зенками от вечного недосыпа у неё были мешки, да такие, что в них впору хранить доллары в своих закутках. Чтобы ещё сильнее оттолкнуть зрителя от своей персоны, она расстегнула несколько пуговиц на своей голубой блузке, демонстрируя морщинистое декольте, а в ухе блестела непропорционально громоздкая серьга. Трудно сказать, сколько ей можно было дать лет на вид; есть женщины, которые в двадцать выглядят более уродливо, чем в шестьдесят, но это никому не было важно. Её голос произнёс следующее:

-Итак, зрителей турниров по боям пукемонов без правил могут ждать...

-Что? - сказал Карим. - Послезавтра будет бой Коврачу против Джигглигами! Да-вай, Ко-вра-чу, давай!

-К какому ещё врачу? - поинтересовался Егор. Наивный мужичок, он ещё не знал, что принесут его непутёвые гости.

-Да не к врачу, а Коврачу. Это такой жёлтый электрический коврик.

-А? Электрический коврик? - спросил девочку Егор.

-Дурные вести. - сказала ведущая новостной передачи.

-Какие ещё дурные вести, Шнурок? - сказал Карим. - Она что, хочет сказать, что наш Коврачу продует?

Джигглигами была таким же анимационным кадавром расы пукемонов, как Коврачу и притом весьма сильным соперником, похожим на Джигглипафф из оригинальной линейки бурятских мультиков, посвящённой бесконечным похождениям неунывающего Эша Кетчума, с тем отличием, что у ней было одно ухо вместо двух. Пение пукемона Джигглигами было настолько ужасным, что её противники прямо на арене могли наложить на себя лапки, лишь бы не слышать такого уродства. Даже если бы Шнурок догадался бы читать свои вздорные стихи как рэпчик, это и то было бы благозвучнее. Ею владел некий Саид, молодой и пузатый турок, который только начинал свою блистательную карьеру мастера пукемонов. На его счету уже было немало побед, несмотря на то, что это был первый крупный чемпионат, на котором Саид принимал участие.

-Нет. Не отвлекай нас от просмотра. - заявил Шнурок. Система, заточенная в гримуаре, также хотела вякнуть своё словцо, но суслик велел ей заткнуться. Как ни странно, она выполнила поставленную перед ней задачу.

"Странно. Обычно она не затыкается ни на минуту" - подумал Шнурок и выпучил зенки в экран так, как могла только Лаэрта с её страстью тискать телевизоры.

Телеэкран показал сцену протеста. На улицу высыпало много людей, державших лозунги: "УБЕРИТЕ ОТ ЭКРАНОВ НАШИХ ДЕТЕЙ!", "НЕТ БОЯМ ПУКЕМОНОВ!", "Живодёры должны быть наказаны", "Изменить сетку вещания", "Вы наживаетесь на страданиях животных!", "Бойкот телекомпании PBVI!" и оравших во всю глотку "МЫ ПРОТИВ БОЁВ ПУКЕМОНОВ!". Название города, в котором происходило данное действо, было едва-едва читаемым, тем более разницы здесь было никакой - пусть это дело идёт в Мюнхене, в Дубае, да даже в степенном волжском Калинове - лишь бы не в Барнауле.

Диктор своим холодным голосом говорил:

-Сегодня люди собрались на акцию протеста. Многие выступают за идею запрета показа боёв анимационных кадавров расы пукемонов по телевидению, оправдывая это действие защитой прав животных, примитивностью происходящего и стремлению уберечь детей от угроз их хрупкой психике, на что жалуются некоторые родители.

-За кого они вас, детей, держат? - спросил Машу анимкад-сезам Барсик.

-Даже не знаю, что сказать об этом. - ответила ему девочка, которой скоро должно стукнуть одиннадцать лет.

-Ага. - сказал Шнурок, обернувшись и осмотрев ещё раз гостиную, в которой они смотрели телевизор. Она была обставлена хорошо, пусть и старомодно: видно, что до развального периода кому-то удалось не только достать хорошую мебель, но и иметь хороший вкус. Даже ковёр на стене не был разодраным и облезшим, как в некоторых квартирах: более того, он сохранил свою яркость красок. Хрусталь, любезно выставленный в секции по советской моде, блестел. Уютный диванчик даже не скрипел, хоть и годился Маше в отцы. Солнечный свет играл в красивой люстре; потолок был превосходно белым, словно снег. Стояло такое чувство, будто время здесь остановилось.

Диктор прекратил свою речь. С телевизора вновь начало взирать на публику в гостиной Егориного жилища отвратительное лицо ведущей с таким отравленным взглядом, словно она хотела стрясти с телезрителей должок. Внизу показался заголовок очередной новости, который гласил: "Триумф Реалистов в Австралии". Женщина начала вещать:

-Итак, хорошие вести сегодня пришли из далёкой Австралии. Реалисты успешно зачистили значительную площадь от анимкадов, угрожающих человечеству.

Тут же были показаны сцены с прекрасных австралийских пляжей, где поработали люди Луи Максвелла. У лидера отряда, высадившегося неподалёку от Сиднея, взяли интервью: оно оказалось крайне банальным и настолько скучным, что даже Маша уткнулась в свой смартфон. Особый акцент был сделан на уничтожение шести мультяшек расы земных стичей, которым не удалось убежать от карающей длани Реалистов навсегда - жестокая реальность догнала их и убила с особым цинизмом.

Дальше началась полная ерунда, которую нет смысла приводить от слова совсем.

Прогноз погоды был, по традиции, в самом конце выпуска новостей. Там ничего интересного не было: даже ведущая была немного симпатичнее и оттого она выглядела на фоне своей коллеги невыразительно. В Барнауле обещали приятную солнечную погоду. Дня три назад тоже обещали, но потом тут же пролился долгий, сильный ливень, в котором город чуть не разделил судьбу почившей на дне морском Атлантиды. Так что верить ли прогнозам или нет - решать, если честно, вам...

Новости закончились: все разошлись кто куда, ведь дальше шёл какой-то сериал, интересный только Егору и Лаэрте. Алеко свернулся калачиком и уснул; Зо-зо просто сидела в спальне Машиного дяди без дела; Барсик и Маша играли в карты, однако сине-зелёный сезам выиграл уже третий кон; Карим смолил сигарету на балконе, не боясь раскрытия собственной тайны, Шпатель и Кира болтали по телефону, а Шнурок разговаривал со своей системой по поводу критерия Зальцманна, но ничего не сумел добиться. Более того, в который раз "система" заставила его прослушивать весь список своих характеристик вместе с полным набором далеко не хвалебных комментариев в свой адрес. Гримуар Шнурка был в своём репертуаре. Потом Маша будет выгуливать Алеко, а Стёпа неспешно шататься в парке со своей девчонкой. Всё цвело и благоухало, даже унылый дворик ожил. Потом, когда они разойдутся по домам, зайдёт ласковое весеннее солнце, следом настанет лунная ночь, а за нею загорится яркое утро нового дня. Обещали прекрасную погоду, настолько прекрасную, что больше не захочешь возвращаться домой со двора, какие бы крики не доносились из окна. Скоро начнётся лето, прекрасное жаркое лето.

http://tl.rulate.ru/book/66622/1837251